
ГЛОБАЛЬНЫЙ ЭТОС: ОПЫТ ФОРМАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ

И.А. Авдеева

Кафедра философии

Институт гуманитарного и социального образования

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

ул. Советская, 181-И, к. 414 (учебный корпус № 9), Тамбов, Россия, 392008

В статье рассматривается проблема сложности определения понятия «глобальный этос» в силу неоднозначности формального содержания этого понятия и сочетания в нем различных характеристик по отношению к социальному действию. К таким характеристикам относятся, прежде всего, ценности, мотивы и эвристики, что дает основания предполагать, что этос не столько практическая система ценностных предпочтений и не относится в этике как реально-сущее к реально-должному, а сложный комплекс иерархизированных мотивов, ценностей, интересов и проявлений бессознательного. Однако наличие оснований для согласованности элементов дает и основания предполагать, что формируемый в процессе социальной деятельности этос возможен и в качестве этоса глобального.

Ключевые слова: глобальный этос, этос, глобальная этика, ценности, мораль, нравственность.

Проблема построения этики глобального сообщества, казалось бы, возникла сравнительно недавно, однако она получила настолько широкое обсуждение в различных кругах, что характер развернувшихся дискуссий создает впечатление, что проблема существует не один десяток лет. Вопрос о глобальной этике, и это уже очевидный факт, был инициирован не столько необходимостью философской рефлексии и осмыслением происходящего, сколько очевидной и необходимой потребностью создать помимо доминирующих экономических факторов процесса глобализации ее некие мировоззренческие основания. И вот здесь-то анализ ситуации неизменно приводит нас к тому, что уже было сказано в истории этической мысли неоднократно: этика, чтобы иметь характер действительно практической философии, должна отталкиваться от существующих реалий.

В силу этого сторонники концепций глобального общества не могли не инициировать и попыток создания и обоснования теории глобального этоса, однако частота использования понятия «этос» в разных науках просто обязывает выделить его самостоятельным предметом рефлексии, сделав шаг на пути его формализации. При этом, как представляется, сформировавшаяся традиция достаточно эффективного использования этого понятия в других научных направлениях (психологии, культурологии, социологии) не оставляет возможностей для монополизации его этикой. К этому же выводу приводит и то, что этический «этос» при его практическом использовании нуждается в новом посреднике — понятии «габитус», которое вносит дополнительные сложности.

Этос можно определить как согласованную, иерархически и систематически организованную структуру ценностей, мотивов, эвристик, которые избирательно и комплексно актуализируются для совершения социального действия.

Как представляется, выделение именно таких элементов этоса в качестве основных наиболее полно отражает диапазон его структуры, охватывая как социальные, так и психофизиологические его составляющие. Однако при этом следует отметить нечеткость границ этих понятий, которые в ряде трактовок могут вообще отсутствовать. Так, например, мотивы как опредмеченные потребности в работах известного психолога А.Н. Леонтьева [1] и ценности как положительные значения объектов для человека постольку, поскольку они способны удовлетворить какую-либо человеческую потребность, у отечественного философа-этика С.Ф. Анисимова [2. С. 67] практически неотличимы, объясняясь из одного понятия — потребности.

Более четкому разграничению этих элементов может помочь их рассмотрение с точки зрения теории социального действия М. Вебера, в рамках которой ценности формируют ценностно-ориентированное действие, мотивы — целе-ориентированное действие, а эвристики — аффективное или традиционное действия. Однако следует учитывать, что так или иначе ориентированное действие предполагает лишь доминирование того или иного элемента этоса, в любом случае функционирующего в составе комплекса, побуждающего человека к действию.

Деятельность может дать и еще одно основание для разделения мотива и ценности, определив первый как повод к действию, а вторую — как переживание [3. С.65]. Из этого разделения, кстати, можно сделать вывод, что мотив является необходимым условием действия, тогда как ценность — нет.

Развивавший веберовскую теорию Т. Парсонс сформулировал близкое к понятию «этос» понятие «ориентация действия», «определяемое им как „представление“ (эксплицитное или имплицитное, сознательное или бессознательное), которое есть у актора по отношению к ситуации, с точки зрения того, что он хочет (его цели), что он в ней видит (как ситуация ему представляется) и как он намеревается поступать» [4. С. 460].

Соответственно, Т. Парсонс выделял три системы, организующие действие, две из которых (социальные системы и системы личности) организуют мотивированное действие, а третья (культурная система) организует действие, ориентированное ценностно. Культурная система представляет собой системы символических эталонов, которые создаются или демонстрируются индивидуальными акторами и передаются социальными системами в процессе диффузии, а также от личности к личности в процессе обучения. Такая система формируется с помощью организации ценностей, норм и символов, которые не только руководят действиями актора, но и ограничивают возможные для него виды взаимодействия. Интернализированные культурные ценности, по мнению Т. Парсонса, являются, таким образом, главными основаниями выбора.

При этом, в соответствии с теорией, следует различать собственно действие как преднамеренный комплекс поступков, включающееся в поведение, как ответную реакцию человека на внешнее или внутреннее раздражение. Вместе с тем, определяя этос, следует отметить, что трактовка социального действия, предложенная М. Вебером, и заключающаяся в том, что под ним понимается действие

(включая невмешательство или терпеливое принятие), может быть ориентировано на прошедшее, настоящее или ожидаемое в будущем поведение других [5]. Такой подход выводит за границы данного понятия действия, не ориентированные на других, и чисто внешние действия, что, по мнению социолога, представляется в значительной степени не соответствующим современной реальности уже постольку, поскольку социальная детерминированность как человека, так и его среды обитания существенно выросла и действия, ориентированные не на человека, а, например, на природу, могут иметь социальные последствия и, следовательно, могут быть определены как пусть и опосредовано, но социальные.

Кроме того, следует отметить и подвижность собственно самой структуры ценностей, мотивов и эвристик, которая меняется по мере развития общества и включает при этом новые ценности, формирующиеся в том числе и в связи с изменением диапазона социальных проблем. Наиболее хорошо это видно на примере ценностей, продвигаемых как отдельными новыми направлениями этики — экологической или медицинской, так и на примере этических теорий универсалистского типа, в частности, этики ответственности. О такой возможности изменения диапазона ценностей писал еще Н. Гартман, утверждавший, что острый кризис может привести к первичному открытию ценности [6. С. 125].

Предлагаемому понятию «этос» более или менее соответствует понятие «мотивационный комплекс», разработанное в рамках психологии. Однако следует отметить и определенные ограничения — чрезмерный психофизиологизм, который, смещая, соответственно, акценты, маскирует тот факт, что социальное действие мотивируется преимущественно осознанно. Следующий шаг на этом пути может привести к соловьевскому сведению нравственности к психологии, крайним выражением которой является позиция Э. Фромма, с которой «любая моральная оценка является продуктом болезненных эмоций» [7. С. 43]. Однако в классификации, предложенной М. Вебером, выделявшим целе-рациональное, ценностно-рациональное, традиционное и аффективное социальные действия, только аффективное может быть отнесено к разряду чистой физиологии — неограниченной реакции на неожиданный раздражитель. И то — с определенной долей условности, постольку, поскольку является инстинктивным. С учетом же гипотезы А. Маслоу об инстинктах как очень сильных мотивах для определенного поведения и это толкование может быть подвергнуто сомнению. Следует отметить, что, развивая теорию социального действия, Т. Парсонс характеризовал его как нормативное, поскольку оно зависит от общепринятых ценностей и норм, волюнтаристское, поскольку оно зависит от воли субъекта, и регулируемое, поскольку оно соотносится со знаковыми механизмами регуляции, фактически исключая физиологию из элементов, присущих социальному действию.

Кроме того, это понятие, как и предложенная схема, не поясняет главного — какие именно мотивы используются и каким образом отбираются для совершения действия. При этом, как представляется, понятие «мотивационный комплекс» логичнее отнести как раз к этому феномену, используя для анализа всего спектра мотивов понятие «диапазон».

Ценности можно рассматривать как основу поведения личности постольку, поскольку именно они служат основными ориентирами, определяющими ее стратегию [8]. Не случайно именно к ценностям обращается человек, когда хочет оправдать совершенные действия. Однако даже в таком качестве ценности не всегда определяют поведение личности, тем самым подчеркивая нетождественность и относительную связь этоса, в котором присутствует как некоторая доля общезначимых норм и принципов, так и некоторая часть других элементов, что придает первым относительный характер, и этики, которая акцентируется на всеобщих нормах и принципах и тем самым претендует на универсальный статус. Этос представляет собой своего рода сферу пересечения этического, социального, психического и биологического, которая и является основой, на которой формируется деятельность человека.

Любопытно, что достаточно критично рассматривал взаимоотношения этоса и этики М. Шелер, заявивший, что этика как существующий в реальной жизни корпус максим и предписаний, которые не подвергаются рефлексии, является константным побочным явлением всего этоса, и ее рождение связано с разложением последнего [9].

Подобные же отношения у этоса складываются и с психологией, вполне укладываясь в русло их определения, данного еще Дж. Милем: психология занимается общими законами человеческой психики, тогда как этос представляет собой преломление этих законов в «сложных сочетаниях обстоятельств» [10. С. 646].

Важнейшая роль ценностей в строении и функционировании социума не вызывает сомнения у большинства исследователей. Так, например, Т. Парсонс предполагал, что социальный порядок зависит от существования общих разделяемых всеми людьми ценностей, которые считаются легитимными и обязательными, выступая в качестве стандарта, посредством которого отбираются цели действия. Связь между социальной системой и системой личности осуществляется через интернализацию ценностей в процессе социализации. При этом каждый человек не просто выбирает ценности. Он придает им различную значимость, то есть выстраивает в определенной иерархической системе.

Столь же очевидным является и то, что диапазон ценностей может меняться по мере развития общества, формируясь на основе новых социальных потребностей, интересов, конфликтов. Можно только согласиться с Н. Гартманом, утверждавшим, что каждый новый жизненный конфликт ставит человека перед новыми задачами и благодаря этому может привести к схватыванию новых ценностей [6. С. 123]. Процесс их изменения может быть почти незаметным или достаточно бурным, но никогда — революционным, практически всегда занимая значительный промежуток времени. Кроме того, ценностные ориентации могут возрождаться, обретая новое содержание в новую эпоху.

В настоящее время подобные изменения связаны по большей части с обоснованием ответственности человека не только за судьбу себе подобных, но и за природу в целом. Так, например, принцип «не навреди» человеку, оформленный в работах Гиппократата и развитый в рамках медицинской этики, получил существенно расширенную трактовку «не навреди» природе в рамках этики экологической,

соответствующим образом были расширены и границы действия принципа ответственности, предложенного Г. Йонасом.

Динамика ценностей и предполагаемая необходимость их ускоренной корректировки как следствие необходимости более быстрого реагирования на глобальные вызовы привела к появлению попыток обоснования возможности конструирования ценностей. Однако, как представляется, соглашаясь с делением ценностей на «найденные», как базирующиеся на фактах, и «сделанные», как требующие ревизии имеющегося социального опыта [11. С. 11—44], вряд ли следует признавать социально эффективной систему конструирования ценностей, предлагаемую Н.С. Розовым и основанную им на предполагаемой рационализации общественной жизни [12]. Как показывает исторический опыт, попытки введения неорганичных для данного конкретного социума систем ценностей заканчивались отторжением, связанным как с внешними, так и с внутренними причинами. Примером, подтверждающим это, может стать провал конструирования таких искусственных образований, как колонии, организованные на принципах утопического социализма. Представляется возможным лишь ограниченное искусственное вмешательство, когда «неестественная» ценность тесно увязывается с ценностями естественными.

Скептически к этому относился и, например, Н. Гартман, утверждавший, что измышление новых ценностей невозможно, они могут быть только открыты, и то постольку, поскольку уже живут в ценностном чувстве толпы [6. С. 125]. С такой позицией в целом созвучно и предположение С.Ф. Анисимова, что исторически непреходящие (то есть абсолютные) ценности (как и антиценности) определяются биопсихической конституцией человека [2. С. 73].

Следует отметить, что принятие такой гипотезы означает невозможность не только конструирования сколь-нибудь «практически пригодной» глобальной системы ценностей, но и ее «естественного» возникновения в перспективе. По той простой причине, что глобальный общественный ценностный консенсус заканчивается как раз там, где начинается «человеческая» составляющая в человеке, поскольку неделимые истины, как заметил, например, Ф. Гиренок, не являются практически важными условиями человеческого существования [13].

Теория и практика мотивации достаточно полно разработана в социальной психологии. В самом общем виде мотивы определяются как материальные или нематериальные предметы, ради которых человек совершает те или иные действия. Однако эта «традиционность» мешает многим исследователям воспринять тот факт, что чем более обобщается какой-либо феномен (характеристика), тем менее он (она) пригоден (пригодна) для использования на практике.

В современной психологии дефиниции мотивов гораздо более конкретны. Так, например, Х. Хекхаузен определяет мотивы как «содержательные классы целей действия, которые существуют в форме устойчивых и относительно постоянных ценностных диспозиций» [14. С. 39]. Последние, в свою очередь, определяются как диспозиции высшего порядка, то есть не играющие решающей роли в поддержании функционирования организма и развивающиеся только в процессе

онтогенеза. Они зависят от социализации, что выводит из опять же традиционной классификации те опять же уже традиционные мотивы, которые ведут к удовлетворению физиологических потребностей.

Из определения Х. Хекхаузена видно, как уже отмечалось выше, что мотивы в социальной психологии во многом перекликается с ценностями. Эта корреляция заметна и в структуре мотивов. При этом психология использует оба понятия либо взаимосвязано, либо — в равнозначном смысле.

Основой возможности этой корреляции, как уже отмечалось выше, выступает потребность, которая выступает ядром и мотива (опредмеченная потребность у А.Н. Леонтьева) и ценности (как свойства удовлетворять потребность у С.Ф. Ансимова). Более того, в середине 50-х гг. XX в. в психологии была разработана теория «ожидаемой ценности», которая позиционировала категорию «ценность» как центральную категорию любой теории мотивации.

Впрочем, вопрос о количестве мотивов, которыми руководствуется человек в своих действиях, представляется бессмысленным в силу их необозримого множества и решается в зависимости от задач того или иного исследования. Так, К. Мадсен в рамках своего рода сводной классификации, созданной на основе целого ряда психологических концепций мотивации (А. Маслоу, Э. Фромма, Д. Мак-Келанда и др.), выделил девятнадцать основных мотивов, подразделив их на четыре группы (содержательные классы): органические, эмоциональные, социальные и деятельностные. При этом в две последние вошли стремление к контактам; жажда власти, жажда деятельности и потребность в опыте; потребность в физической деятельности, любопытство (интеллектуальная деятельность), потребность в возбуждении (эмоциональная деятельность), жажда творчества.

Социальное действие, таким образом, обычно выступает как результат одновременного действия множества мотивов, которые находятся в определенном отношении друг к другу по степени воздействия. При этом существенную роль играют мотивирующие факторы, которые в ряде исследований принято сводить в группы.

Исследования мотивов и мотивации привело к оформлению понятия «мотивационная сфера личности», под которым понимается сложное структурное целостное образование, которое определяется системой смыслообразующих, деятельностных, коммуникативных и эмоционально-чувственных психологических условий и средств в процессе становления [15]. При этом мотивационные сферы различных людей могут иметь существенные отличия с точки зрения доминирования тех или иных мотивов.

Однако используемый за пределами психологии «мотив» как категория может приобретать и существенно отличающиеся от «классического» содержания значения. В частности, мотивы могут в определенном смысле противопоставляться ценностям, принимая на себя возможную аморальность поведения человека и позволяя ценности «сохранить лицо».

В качестве такого противопоставления может быть рассмотрена концепция научного этоса Р. Мертона. Ее первая часть формировалась именно как идеально-

должное представление о нормах и ценностях, интериоризированных ученым в силу его приверженности к науке, тогда как вторая, в определенном смысле реально-должная, была отнесена к «патологии» науки. Последняя тоже вносит свой вклад в мотивацию ученого, в результате чего возникает «амбивалентность» — двойственность и противоречивость мотивов и соответственно поведения.

И в этом следует признать определенный смысл, поскольку ценности по определению не могут быть отрицательными: даже при наличии определенной девиации количество самоубийц не может привести к тому, чтобы объявить в качестве противоположной ценности для жизни смерть. Дихотомия ценности «по знаку» (положительная ценность — отрицательная ценность) допускается, в частности, А.А. Гусейновым и Р.Г. Апресяном [16. С. 229], однако невозможность этого заложена в самом ее определении — то, что отвечает потребностям человека, не может иметь отрицательный для него характер [16. С. 228]. Еще более четко это свойство ценности подчеркнуто С.Ф. Анисимовым, который определял ценность в качестве положительного значения объекта для человека [6. С. 67]. Соответственно, указывая на абсурдность содержания понятия «отрицательная ценность», он обосновывал более логичную дихотомию — «ценность—антиценность» и более эффективную с практической точки зрения шкалу значений в этом же диапазоне. Вместе с тем мотив как основа целеориентированного действия вполне допускает отрицательный знак постольку, поскольку цель может быть и негативной.

Содержа отрицательные мотивы вместе с положительными [6. С. 227], это вполне способен быть противоречивым. Однако так или иначе к моменту действия противоречие устраняется либо разрешаясь, либо подавляясь. Во втором случае, будучи освобожденным от подавления, это противоречие может послужить разработке комплекса мотивировок, обосновывающих действие уже постфактум и служащих для снятия когнитивного диссонанса. И здесь, если обратиться к политическому опыту, в большинстве случаев апеллируют именно к ценностям, предпочитая среди них «общечеловеческие».

Эвристика — понятие, введение которого приписывается Д. Канеману, лауреату Нобелевской премии по экономике 2002 г. за применение психологической методики в экономической науке при исследовании формирования суждений и принятия решений в условиях неопределенности, имеет мало общего с соответствующим древнегреческим понятием. Однако, как представляется, ему принадлежит честь в создании эффективной теории ее использования, поскольку она достаточно давно является объектом исследования психологии [17. С. 132].

Эвристики определяются как принципы, которые упрощают сложные задачи оценки вероятностей и прогнозирования значений величин до более простых (поверхностных) операций суждения или как некие поведенческие штампы [18] и базируются на так называемом эвристическом алгоритме. Д. Канеман полагал, что эвристики высоко экономичны и обычно эффективны, хотя и приводят к систематическим ошибкам в прогнозе, и выделял три их типа. Действие эвристик можно сравнить с дефиницией предпочтения у М. Шелера, который утверждал, что оно, являясь априорным, происходит без всякого стремления, выбора и желания [19. С. 306].

На основе эвристик была разработана концепция интуитивного паттерна, структура которого включает в себя формальную и неформальную части. Неформальная часть, определяющаяся как субъективный бессознательный опыт интерпретации рыночной информации и идентификации данного паттерна, является, по предположению некоторых маркетологов, основной [20]. И в этом смысле позиционирование интуитивного паттерна как наиболее эффективного в трейдинге в целом созвучно, например, пониманию интуиции как приоритетного способа познания окружающей действительности у Б. Спинозы [21. С. 438], однако отличается содержанием постольку, поскольку интуиция в данной концепции определяется как способность прямого, непосредственного постижения истины без предварительных логических рассуждений и без доказательств.

Следует отметить, что в целом паттерн — относительно новая категория, эффективность которой в социальных исследованиях подвергается сомнению. В рамках данного исследования его использование созвучно использованию понятия «габитус», который позволяет субъекту *спонтанно* ориентироваться в социальном пространстве и *реагировать* на события и ситуации.

В отличие от ценностей и мотивов, которые можно выбрать, обосновать или оправдать, паттерн, по мнению социологов, просто предпочитается, накладывается на предметное поле и легитимирует себя через ритуализацию и канонизацию базовых ценностей. По мнению Д. Канемана, нерациональное мышление при этом не только практически невозможно устранить, в силу когнитивных причин, но и оно имеет тенденцию к усилению своей роли уже потому, что мозг «стремится экономить на мышлении» [22].

Значение эвристик в структуре этоса существенно возрастает в связи с формированием глобального коммуникативного пространства, одной из важных характеристик которого является ускорение обмена информацией и, соответственно, сокращение времени на подготовку коммуникантов к контакту. Лимит времени (при условии важности ожидающегося контакта) существенно усложняет формирование правильной реакции, ожидаемой визави в соответствии с тем или иным идеальным образцом как устойчивой формой коммуникации. И в связи с этим представляется любопытным тот факт, что в целом ряде случаев ценности и мотивы выступают не как собственно причины тех или иных действий, а лишь как их оправдание или обоснование, оформленное уже постфактум. Для большей или меньшей благозвучности такие обоснования получили наименование мотивировок [23. С. 231].

Иерархическая организация структуры этоса утверждается, исходя из иерархической структуры ценностей и мотивов, которая воспринимается сегодня практически аксиоматически. Определенные различия могут быть зафиксированы только в построении собственно иерархии. Существует несколько подобного рода классификаций, которые можно достаточно определенно свести в две группы, — этические и психологические, различие между которыми в значительной степени определяется различием между психологией и этикой.

Как уже отмечалось выше, элементы этоса никогда не активизируются автономно, но всегда формируют комплекс, в котором находятся в определенных так-

же иерархически сформированных отношениях, и который можно определить как этосный. В части, касающейся ценностей, это понятие созвучно понятию ценностного сознания Н. Гартмана, которое, смещаясь по «царству ценностей», «вырезает» из него небольшой круг видимого [6. С. 124], который и служит основой, определяющей действие человека в конкретный момент.

В процессе его формирования и происходит реализация правила М. Шелера, согласно которому, готовясь к совершению действия, человек предпочитает одни ценности и отклоняет другие. Избирательная актуализация этосного комплекса всегда происходит в рамках подготовки к социальному действию и может происходить как по внешним, так и по внутренним причинам. При этом основным фактором, влияющим на формирование этосного комплекса, являются внешние обстоятельства уже постольку, поскольку его основные элементы суть результат социализации, а их носитель действует в определенных условиях, которые накладывают достаточно жесткие, хотя и иногда не осознаваемые ограничения. Лучше всего их наличие и сила были отражены в знаменитой фразе Б. Спинозы «свобода есть осознанная необходимость».

Диапазон ценностей и мотивов может быть ограничен только фантазией исследователя. Впрочем, он может быть достаточно широк и практически, определяясь объемом знаний человека об окружающем мире, обществе и культурах, в нем существовавших, существующих или прогнозируемых. И в этом смысле, например, глобальное коммуникативное пространство, предоставляя неограниченные возможности к познанию, предоставляет столь же неограниченные возможности и к расширению диапазона ценностей и мотивов. Однако под давлением социума актуализируемый этосный комплекс всегда конкретно-историчен уже постольку, поскольку каждое общество помимо предлагаемого широкого выбора ценностей фактически навязывает и достаточно жесткий набор ограничений, тем самым ограничивая произвол ценностно-мотивных ориентаций. И преодоление последних всегда влечет за собой социальные последствия, серьезность которых обуславливается серьезностью нарушаемых ограничений.

В неограниченности диапазона ценностей и мотивов, которая обеспечивается глобальным коммуникативным пространством, видится и возможность относительно неконфликтного развития этого вида коммуникации по крайней мере на личном уровне — знание специфических ценностей представителей других культур может способствовать уменьшению вероятности конфликтных коммуникаций.

Иерархичность не только в актуализации тех или иных элементов этоса, но и отношениях отобранных уже элементов друг с другом может быть рассмотрена на основе предположения А.Н. Леонтьева о дифференциации мотивов на только знаемые (номинальные) и реально действующие, в соответствии с которой «только знаемые» мотивы лишены функций побуждения и смыслообразования и используются в функции мотивировок, благовидных предлогов [1. С. 210]. При этом реально действующие мотивы могут быть разделены на стимулы и смыслообразующие, что может быть вполне применимо при анализе формирования этос-

ного комплекса, а смыслообразующие мотивы «всегда занимают более высокое иерархическое место, даже если они не обладают прямой эффективностью. Являясь ведущими в жизни личности, для самого субъекта они могут оставаться „за занавесом“ — и со стороны сознания, и со стороны своей непосредственной аффективности» [1. С. 204].

Мотив-стимул, хотя и побуждает к действию, но не способен порождать личностный смысл. При этом стимулирующая или смыслообразующая характеристики мотивов «определяются складывающимися связями деятельности субъекта, их опосредствованиями и поэтому являются релятивными», вплоть до того, что в разные периоды даже в структуре одной деятельности определенный мотив может выполнять функцию смыслообразования, в другой — функцию дополнительной стимуляции.

Этосный комплекс может формироваться, подчиняясь требованиям внешней необходимости или общепринятых образцов. Границы подчинения внешним требованиям были продемонстрированы в известных экспериментах С. Милгрэма, С. Аша в Стэнфордском тюремном эксперименте.

В целом же этос может быть представлен как образование, имеющее достаточно сложную и иерархизированную структуру, способствующую эффективному существованию личности в социуме, формирующуюся и актуализирующуюся под влиянием социальных условий, которые с определенной долей условности могут быть разделены на смыслообразующие, деятельностные, коммуникативные и эмоционально-чувственные. Эти условия воздействуют на личность на трех уровнях: деятельностном, эмоционально-чувственном и коммуникативном. Однако уровень развития и, соответственно, эффективности этоса определяется не только этими условиями, но и субъективной активностью личности в процессе существования в социуме. Качественное отличие одного этоса от другого зависит как от объективных, так и от субъективных условий. Этос динамичен и способен меняться в связи с изменениями условий, на него влияющих.

В таком подходе к этосу его уже нельзя трактовать как некое переходное между этикой и пестрыми нравами пространство. Этические ценности составляют лишь часть этосного диапазона и большую или меньшую часть этосного комплекса, действующего при совершении социального действия, представляя, если следовать предположению Н. Гартмана, демиургическую часть в противовес хаотической. И в этом смысле этос вообще нельзя трактовать как этическую категорию, а скорее как категорию мировоззренческую, универсальную, что в целом совпадает с оценкой, сделанной А. Неклессой [24]. Собственно именно эта универсальность подтверждается и тем, что понятие «этос» активно используется в целом ряде научных направлений, отличных от этики именно в мировоззренческом понимании.

Однако и конфликта между этикой и этосом не усматривается, хотя разрыв между должным и сущим по-прежнему составляет одну из ключевых проблем. Поэтому зачастую усматриваемый многими разрыв между этикой и этосом очень соблазнительно рассмотреть в рамках уже классической морально-этической ан-

титезы «должного — сущего», в которой должное предстает как всеобщее, абсолютное, истинное в человеческом поведении, а сущее — как частное, преходящее, обманчивое в нем. Избежать этого соблазна не смогли ни философы прошлого, ни современные исследователи. Более того, некоторые из них достаточно уверенно утверждают, что «диалектика сущего и должного не представляется возможной: они являются метафизическими противоположностями» [25. С. 6]. Собственно процесс превращения этих понятий в противоположности начался с Д. Юма, предположившего, что суждения о «должном» никаким образом не следуют из суждений о «сущем», и блестяще завершился И. Кантом, который сформулировал основные принципы этики долга. Его категорический императив полностью автономен и никак не связан с сущим.

С точки зрения психоанализа уход от превращения антитезы должного — сущего в консенсусное образование может трактоваться как уход от поиска конфликтующими группами возможностей для совместных действий — самое простое решение, позволяющее снять так называемый когнитивный диссонанс. При этом отрыв должного от сущего, в полном соответствии с правилами его преодоления, компенсировался усилением анализа абстрактных понятий, фактически приводя к подмене предмета этики, появлению этики без морали и еще большему углублению противоречивости дихотомии.

Однако, как представляется, рассмотрение этих категорий как антитезы, с учетом того, что ее конфликтный потенциал сохраняется неизменным со времен И. Канта, вряд ли позволит получить практически полезный результат.

Вместе с тем значение дихотомии «должное — сущее» для социума трудно преувеличить. Не случайно Г. Зиммель утверждал, что «там, где встречаются обычно чуждые друг другу бытие и долженствование, можно с уверенностью сказать, что именно здесь центральная точка всей системы» существования человека [26].

Противоречие между должным и сущим исчезает, если обе категории рассматриваются в рамках философской концепции Аристотеля. Аристотель вводит должное как некий социальный, а потому практически ощутимый и достижимый показатель, и «потому добродетель означает обладание серединой, что как в страстях, так и в поступках пороки преступают должное либо в сторону избытка, либо в сторону недостатка, добродетель же умеет находить середину и ее избирает» [27. С. 87], а из «сущего в возможности» может возникнуть «сущее в действительности». Именно эта гипотеза дала основание называть этику Аристотеля «этикой сущего».

И именно здесь, как представляется, лежит выход, позволяющий превратить антитезу «сущее — должное» в консенсус. Конкретный поступок, лежащий в основе этики Аристотеля и подразумевающий его относительную уникальность, вполне коррелирует с социальным действием, которое вызывается относительно уникальным этосным комплексом.

Императивность выводов И. Канта не была очевидна многим его современникам. Гораздо мягче на перспективы взаимодействия должного и сущего смотрел

Н. Гартман, который, выделяя «долженствование бытия» и «долженствование действия», доказывал, что «интервал напряжения», возникающий между тем, что необходимо воплотить, и тем, что есть, имеет тенденцию снижаться, благодаря возможности должного «вмешиваться» и «проникать» в сущее в процессе ценностно-ориентированной реализации человеком своих сущностных сил и выполнения им своего предназначения: «Я должен выполнять бытийно-должное, поскольку этого еще „нет“ и поскольку это в моих силах» [6. С. 217—222]. Тем самым он в противовес И. Канту утверждал и возможность непротиворечивого, консенсусного и продуктивного совмещения этих категорий. Впрочем, следует заметить, что и сам И. Кант, помещая должное в мир мысленных идей, все же оговорился, что оно «может стать действительным благодаря нашему поведению, и притом сообразно именно с этой идеей» [28. С. 279].

Собственно, если уж не необходимость, то, по крайней мере, эффективность такого подхода доказывается тем, что, даже, по мнению его противников, большинство этических концепций прошлого в качестве своей методологической основы имеют этику добродетелей Аристотеля. Необходимость же такого подхода сродни оформлению де-юре того, что уже существует де-факто — должное, понимаемое как пронизывающее всю структуру человеческой деятельности и являющееся «интенционально-процессуально-результативным соизмерением фактической реальности и ее уходящей в далекую перспективу ценностно-ориентированной модификации, переводимой усилиями людей из потенциальной возможности в актуальную действительность» [29. С. 81], вне зависимости от желаний или нежеланий исследователей поверяется практикой. В противном случае современные социумы перманентно создавали бы разного рода Икарии в попытках воплощения теоретико-умозрительных конструкторов на практике.

Решение антитезы «должного — сущего» в соответствии с аристотелевской традицией вновь подводит к уже отмеченной выше необходимости утверждения этики как практической философии, которая в таком случае «по своему научному статусу может быть представлена как частнонаучная теория по отношению к общей теории человека и общества» [30. С. 211].

Таким образом, диапазон элементов структуры этоса может быть достаточно широк, определяясь объемом знаний человека об окружающем мире, обществе и культурах, в нем существовавших, существующих или прогнозируемых. И в этом смысле глобальное коммуникативное пространство, предоставляя неограниченные возможности к познанию, предоставляет столь же неограниченные возможности и к расширению диапазона ценностей и мотивов. При этом и сам диапазон, и его структура имеют подвижный характер постольку, поскольку ее элементы способны изменяться как качественно, так и количественно. В силу наличия как положительно, так и отрицательно ориентированных элементов этос вообще и глобальный этос в частности может быть внутренне противоречивым, однако к моменту совершения действия в рамках формирующегося этического комплекса противоречие либо разрешается, либо подавляется.

В неограниченности и динамичности диапазона ценностей и мотивов, которая обеспечивается глобальным коммуникативным пространством, видится и возможность относительно неконфликтного развития этого вида коммуникации, по край-

ней мере на личном уровне — знание специфических ценностей представителей других культур может способствовать уменьшению вероятности конфликтных коммуникаций и, следовательно, эволюционному развитию глобального этоса.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. — М.: Смысл, Академия, 2005.
- [2] *Анисимов С.Ф.* Введение в аксиологию. — М., 2001.
- [3] *Баева Л.В.* Ценности изменяющегося мира: экзистенциальная аксиология истории. — Астрахань, 2004.
- [4] *Парсонс Т.* О структуре социального действия. — М.: Академический проект, 2002.
- [5] *Вебер М.* основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990.
- [6] *Гартман Н.* Этика. — СПб., 2002.
- [7] *Фромм Э.* Психоанализ и этика. — М.: Республика, 1993.
- [8] *Чистяков А.В.* Социализация личности в обществе интернет-коммуникаций: социокультурный анализ: Дисс. ... д.с.н. — Ростов-на-Дону, 2006.
- [9] *Адорно Т.* Проблемы философии морали. — М.: Республика, 2000.
- [10] *Милль Дж.* Система логики силлогистической и индуктивной: изложение принципов доказательств в связи с методами научного исследования. — М.: Ленанд, 2011.
- [11] *Рорти Р.* Релятивизм: найденное и сделанное // Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст. — М., 1997. — С. 11—44.
- [12] *Розов Н.С.* Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. — Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1998.
- [13] *Гиренок Ф.И.* Этос глобализма. URL: <http://fedorgirenok.narod.ru/global.htm>.
- [14] *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность. — СПб.: Питер; М.: Смысл, 2003.
- [15] *Цветкова Р.И.* Мотивационная сфера личности современного студента: факторы, условия и средства ее формирования в процессе профессионального становления. Автореф. дисс. ... д.п.н. — Иркутск, 2006.
- [16] *Гусейнов А.А., Апресян Р.Г.* Этика: учебник. — М.: Гардарики, 2000.
- [17] *Майерс Д.* Социальная психология. — СПб.: Питерком, 1998.
- [18] *Канеман Д., Тверский А.* Принятие решений в условиях неопределенности: правила и предубеждения / Пер. с англ. Д. Шагардина. URL: <http://d-shagardin.livejournal.com/92111.html>.
- [19] *Шелер М.* Формализм в этике и материальная этика ценностей // Шелер М. Избранные произведения. — М.: Гнозис, 1994.
- [20] Применение интуитивных паттернов в трейдинге. URL: <http://my-strategy.blogspot.ru/2012/12/blog-post.html>.
- [21] *Спиноза Б.* Избранные произведения. — М.: Мысль, 1957.
- [22] *Канеман Т.* Мозг стремится сэкономить. URL: http://expert.ru/russian_reporter/2013/19/deniel-kaneman-mozg-stremitsya-sekonomit.
- [23] *Милентьева Н.И.* Мотивационный комплекс и информационно-коммуникативные эффекты в сети межсубъектных взаимоотношений // Проблемы современной экономики. — 2012. — № 2.
- [24] *Неклесса А.* Этос глобального мира. URL: <http://www.archipelag.ru/geoeconomics/global/challenge/etos>.
- [25] *Тригубенко Ф.А.* Антитеза сущего и должного как этический феномен: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. — Тула, 2011.
- [26] *Зиммель Г.* Конфликт современной культуры // Зиммель Г. Избранное: в 2 т. / Ред. С.Я. Левит. — Т. 1: Философия культуры. — М., 1996. — С. 494—516.

- [27] *Аристотель*. Никомахова этика // Соч.: в 4 т. / Общ. ред. А.И. Доватура. — М., 1984. — Т. 4.
- [28] *Кант И.* Основы метафизики нравственности // Соч.: в 6 т. / Под ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. — М., 1965. — Т. 4. — Ч. 1.
- [29] *Амельченко С.Н.* Диалектика сущего и должного в процессуальном бытии культуры // Эстетика и культурология. № 3(69). — 2009. Общественные науки.
- [30] *Разин А.В.* Этика: учебник. — М.: ИНФРА-М, 2012.

GLOBAL ETHOS: EXPERIENCE OF THE CONCEPT FORMALIZATION

I.A. Avdeeva

Department of Philosophy
Institute of Humanities and Social Education
Tambov State University. G.R. Derzhavin
Sovetskaya str., 181-i 414 k (building 9), Tambov, Russia, 392008

The article considers the problem of the difficulty of defining the “global ethos” concept. Some difficulties are arisen from the formal content of this concept and combining in it different characteristics according social action and activity. Such characteristics are connected with values, motives, and heuristics which suggests that ethos is not so much a practical system of value preferences and does not refer to the Ethics as a real and actual things to the proper. Therefore ethos should be thought as a complex of hierarchic motives, values, interests and manifestations of the rational and irrational. However, the integration and coherence of social activity creates a reason for the emergence of a global ethos.

Key words: global ethos, ethos, global ethics, values, morality, ethics.

REFERENCE

- [1] Leont'ev A.N. *Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost'*. — М., Smysl, Akademija, 2005. — 352 s.
- [2] Anisimov S.F. *Vvedenie v aksiologiju*. — Moskva, 2001. 128 s.
- [3] Baeva L.V. *Cennosti izmenjajushhegosja mira: jekzistencial'naja aksiologija istorii*. — Astrahan', 2004.
- [4] Parsons T. *O strukture social'nogo dejstvija*. — М.: Akademicheskij proekt, 2002. — 880 s.
- [5] Veber M. *Osnovnye sociologicheskie ponjatija* // Veber M. *Izbrannye proizvedenija*. — М.: Progress, 1990.
- [6] Gartman N. *Jetika*. SPb, 2002. — 707 s.
- [7] Fromm Je. *Psihoanaliz i jetika*. — М.: Respublika, 1993. — 415 s.
- [8] Chistjakov A.V. *Socializacija lichnosti v obshhestve Internet-kommunikacij: sociokul'turnyj analiz*. Diss. na soisk. stepeni d.s.n. Rostov-na-Donu. 2006.
- [9] Adorno T. *Problemy filosofii morali*. — М.: Respublika, 2000. — 239 s.
- [10] Mill' Dzh. *Sistema logiki sillogisticheskoy i induktivnoj: izlozhenie principov dokazatel'stv v svyazi s metodami nauchnogo issledovanija*, М., «Lenand», 2011 g.
- [11] Rorti R. *Reljativizm: najdennoe i sdelanoe* // *Filosofskij pragmatizm Richarda Rorti i rossijskij kontekst*. М., 1997. S. 11—44.

- [12] Rozov N.S. Cennosti v problemnom mire: filosofskie osnovanija i social'nye prilozhenija konstruktivnoj aksiologii. Novosibirsk: Izd-vo Novosibirskogo un-ta. 1998.
- [13] Girenok F.I. Jetos globalizma. Internet-resurs. Redim dostupa: <http://fedorgirenok.narod.ru/global.htm>. Data obrashhenija 20.09.2013.
- [14] Hekhauzen H. Motivacija i dejatel'nost'. Spb.: Piter; M.: Smysl, 2003. — 860 s.
- [15] Cvetkova R.I. Motivacionnaja sfera lichnosti sovremennogo studenta: faktory, uslovija i sredstva ee formirovanija v processe professional'nogo stanovlenija. Avtoref. diss. na soisk. step. d.p.n. Irkutsk, 2006.
- [16] Gusejnov A.A., Apresjan R.G. Jetika: uchebnik. — M.: Gardariki, 2000. — 472 s.
- [17] Majers D. Social'naja psihologija. Spb.: Piterkom, 1998. — 688 s.
- [18] Kaneman D., Tverskij A. Prinjatje reshenij v uslovijah neopredelennosti: pravila i predubezhdenija (perevod s angl. D. Shagardina). Internet-resurs. Rezhim svobodnogo dostupa: <http://d-shagardin.livejournal.com/92111.html>. Data obrashhenija — 25.11.2013.
- [19] Sheler M. Formalizm v jetike i materila'naja jetika cennostej. V: Sheler M. Izbrannye proizvedenija. — M.: Izdatel'stvo «Gnozis», 1994. — 490 s.
- [20] Primenenie intuitivnyh patternov v trejdinge (stat'ja). Internet-resurs. Rezhim svobodnogo dostupa: <http://my-strategy.blogspot.ru/2012/12/blog-post.html>. Data obrashhenija 25.11.2013.
- [21] Spinoza B. Izbrannye proizvedenija. — M. Mysl', 1957.
- [22] Kaneman T. Mozg stremitsja sjekonomit'. Internet-resurs. Rezhim svobodnogo dostupa: http://expert.ru/russian_reporter/2013/19/deniel-kaneman-mozg-stremitsya-sekonomit. Data obrashhenija 25.11.2013.
- [23] Milent'eva N.I. Motivacionnyj kompleks i informacionno-kommunikativnye jeffekty v seti mezhsob#ektnyh vzaimootnoshenij // Problemy sovremennoj jekonomiki. № 2, 2012.
- [24] Neklessa A. Jetos global'nogo mira. Internet-resurs. Rezhim svobodnogo dostupa: <http://www.archipelag.ru/geoeconomics/global/challenge/etos/>. Data obrashhenija 07.2013.
- [25] Trigubenko F.A. Antiteza sushhego i dolzhnogo kak jeticheskij fenomen // Avtoref. diss. na soisk. step. kand. filos. nauk. Tula, 2011.
- [26] Zimmel' G. Konflikt sovremennoj kul'tury // Zimmel' G. Izbrannoe: v 2 t. / red. S.Ja. Levit. T. 1. Filosofija kul'tury. M., 1996. S. 494–516. S. 497.
- [27] Aristotel'. Nikomahova jetika // Soch.: v 4 t. / obshh. red. A.I. Dovatura. M., 1984. T. 4.